

UDC 821.161.1.09-32"20" (092) Vodolazkin E.  
DOI [10.5281/zenodo.7454092](https://doi.org/10.5281/zenodo.7454092) | [Research Paper Citations](#)

## LIFE IN E. VODOLAZKIN'S NOVEL «LAURUS»

[Liudmila PARAHONCO](#)

Ph. D. Student

(Alec Russo State University of Bălți, Republic of Moldova)

[parakhonko91@mail.ru](mailto:parakhonko91@mail.ru)

### Abstract

*In the article, we aim to describe, from a cognitive perspective, the tautological and pleonastic units of the Russian language, taken as a metalinguistic phenomenon. The corpus of the research is constituted by the artistic discourse, investigated at the phonemic, morphemic, lexical and syntactic levels.*

**Keywords:** *tautology, life, cognitive linguistics, implicature, pragmatics, artistic discourse*

### Rezumat

*În articol, ne propunem să descriem, din perspectivă cognitivă, unitățile tautologice și pleonastice ale limbii ruse, luate drept fenomen metalingvistic. Corpusul cercetării este constituit de discursul artistic, investigat la nivelurile fonemic, morfemic, lexical și sintactic.*

**Cuvinte cheie:** *tautologie, viața, lingvistica cognitivă, implicatură, pragmatic, discurs artistic*

This study is devoted to the analysis of tautology from the point of view of cognitive semantics and linguistic pragmatics: the analytical and synthetic description of the given type of redundancy in artistic discourse is recognized. This position leads to saving energy, speech resources due to the constriction of the bilaterality of linguistic signs: the signifier and the signified, which, as you know, are fixed in the minds of native speakers in the form of concepts and sensory images of a sign, meaningful form. Only such a solidity of the two aspects of the sign satisfies the social needs of the linguistic personality of a certain national cultural topos (Гавэр/Gavèr, 2011, pp. 72-73). Consequently, the categorial-conceptual apparatus of cognitive linguistics and pragmatics contributes to the implementation of the semiotic process in the field of tautological and pleonastic expressions, which once again confirms the ability of tautology and pleonasm to desemantization, incomplete meaninglessness, followed by grammatization: translation abnormality, illogicality of redundant statements in the sphere of designatum (concept denotatum) as a result of specific operations on knowledge (Баранов, Добровольский/Baranov, Dobrovolsky, 1997, p. 18). The very nature of the text contributes to the above circumstance. The appeal to artistic discourse is aimed at isolating such a functional-linguistic unity, in which they find their effective embodiment, the objectification of the possibilities of lan-

guage, the functional-communicative potential of some of its phenomena. The starting point is the following: the language system, as a rule, is the object of abstract thought; its implementation is not implied. It is in the text that the language acquires syntagmatic competence. Everything that is linguistic really exists in textual conditions and performs the function of an instrument of consciousness, a mental configuration of participants in communication. Thus, the postulate of text linguistics lies in the exteriorization and apology of the communicative essence of the language, which is achieved through observation and study of both the individual properties of its units, forms, structures, and their cohesion (Белунова/Belunova, 1988, p. 67).

So, the relevance of this study lies in the need for a comprehensive coverage of this problem in artistic discourse, because only with this approach the author's mental and psycho-emotional processes embedded in his narrative fully are deciphered, read.

The purpose of the work is a comprehensive study of tautological formations, based on language strata: phonemic, morphemic, lexical and syntactic, explicating the dialectic of death in E. Vodolazkin's novel «Laurus».

Let's examine the functioning of life on the basis of tautology in the novel.

Life, smoothly following death and vice versa, is ascertained by the following signs of the activity, functioning of the body: «Всякий орган продуман до мелочей. Сердце, например, питает все тело кровью, и в нем, как говорят, сосредоточены наши чувства, вот почему оно надежно защищено ребрами... Но есть еще внутреннее ухо, которого не видно. Оно ведет звуки от внешнего уха к мозгу, и мозг превращает звуки в речь. К мозгу идут жилы и от глаз, и опять-таки мозг превращает буквы в слова... Ум – очи души. Когда эти очи повреждаются, душа становится слепая» (Водолазкин/Vodolazkin, 2012, p. 16). Here we note a propositional tautology that subordinates the entire artistic discourse to one thought: the statics and dynamics of the human structure, the world order with an anthropocentric bias. Since life forms its own microtext, it is important to note that in this case there is no danger in moving towards the goal of losing this goal itself behind an infinite number of its manifestations; there is an absolute absorption of matter, a transformation into another text that causes emergence, or the property of a brief ancient definition: the whole is greater than the sum of its parts (Бурцева/Burtseva, 1997, p. 54). In addition, the evidence of semantic redundancy is the anaphora «it, he, his». Accordingly, in a broad interpretation, each sentence is based on the antecedent (the previous unit of the statement, with which the subsequent unit corresponds, explaining the components located in the first part). Accordingly, in a broad interpretation, each sentence is based on the antecedent

(the previous unit of the statement, with which the subsequent unit corresponds, explaining the components located in the first part).

Thus, life on the basis of tautology is a sign that is able to «catch the statement for the world». A sign is not just a label of a referent. The sign represents it as text (Бразговская/Brazgovskaya, 2019, p. 37).

Sins are an integral element of life as a visualization of experience: «Произнеся молитвы, старец достал из подрясника маленькую – в осьмушку – тетрадь, озаглавленную «Грехи средней тяжести, присущие мирянам и духовным». Мелкие грехи в тетрадь не попадали, поскольку не считались достойными произнесения вслух. (Кайтесь в них про себя, учил он паству, и не морочьте мне этим голову. За такой дребеденью вы можете не дойти до главного!) Тяжких же грехов старец не записывал, опасаясь их увековечения. Он просил сообщать их ему на ухо, и в этом ухе погробал навеки» (Водолазкин/Vodolazkin, 2012, p. 23). Differentiation is ignored with the help of a copy of the polyptoton «sins , ear/in the ear»; the world is indecomposable, not amenable to decomposition. As a result, an abstract resultant, invariant arises (permanent components of the external predicate «Thanatos and Eros», leading to an unchanging, «stable» existence, since sins are a mediator between life and «spiritual burnout», death, – through violation of dominant moral and ethical rules). It must be emphasized that the pronunciation of sins is an «animated» word, which is the opposition to silence.

Love and fear are recognized in the work as qualifiers for the manifestation of activity, energy: «У Арсения началась другая жизнь – полная любви и страха. Любви к Устину и страха, что она исчезнет так же внезапно, как пришла. Он не знал, чего именно боялся – урагана ли, молнии, пожара или недоброго взгляда. Может быть, всего вместе. Устина не отделялась от его любви к ней. Устина была любовью, а любовь – Устиной. Он нес ее, будто свечу в темном лесу. Он страшился того, что тысячи жадных ночных существ слетятся на это пламя и погасят его своими крыльями» (Водолазкин/Vodolazkin, 2012, p. 32). Parceling of the given complex communication «У Арсения началась другая жизнь – полная любви и страха. Любви к Устину и страха, что она исчезнет так же внезапно, как пришла» and chiasm (arrangement of parts of two parallel members in a reverse order) «Устина была любовью, а любовь – Устиной». This type of parallelism is structured as follows: root homeology «устин и люб»; lexical proximity; semantics – homogeneity, identification of love and Ustina; structural feature: *coordination*, its model – N1+ cop+ N5.

Sensorics (in physiology, the function of the nervous system, which consists in the perception of external stimuli), as well as movement, animation, caused by the actions of living beings, also indicate life: «Устина опять легла. И Арсений опять ее гладил. Она почувствовала возобнов-

ление схваток. Ее охватила **боль**. То, что она чувствовала, сначала было *болью в животе*, потом это распространилось на все тело. Ей казалось, что *боль всех окрестных хуторов* собралась в одной точке и вошла в ее тело. Потому что ее, *Устины, грехи* превышали собой *грехи* всей той округи, и за это надо же было когда-нибудь ответить. И *Устина закричала*. И этот крик был рычанием. Он испугал *Арсения*, и *Арсений* вцепился ей в запястье. Он испугал саму *Устину*, но она уже не могла не кричать. Продолжая лежать на боку, *она отвела ногу*, и *Арсений* стал ее ногу *придерживать*. Эта нога *сгибалась и распрямлялась*, она казалась *отдельным злым существом, не желавшим иметь ничего общего с неподвижной Устиной*. *Арсений* держал ногу двумя руками, но все равно не мог удержать. *Устина* резко повернулась, и в полоске упавшего света он увидел, как на внутренней стороне бедра блестит кал. *Устина* продолжала кричать. *Арсений* не мог понять, движется ли младенец. Чувствуя под пальцами волосы ее лона, он вспоминал другие прикосновения и молил Бога *передать Устинину боль ему, передать хотя бы половину боли*. В минуты же своего просветления *Устина* *благодарила Бога за то, что ей дано мучиться за себя и за Арсения, так велика была ее любовь к нему*. *Арсений* скорее нащупал, чем увидел, как в лоне *Устины* *показалась голова младенца*. На ощупь *голова* была огромной, и *Арсений* в отчаянии подумал, что она не сможет выйти. *Голова* не выходила. Раз за разом появлялась было макушка, но потом вновь исчезала. *Арсений* попробовал подвести под нее пальцы, но пальцы не проходили. Ему даже показалось, что, пытаясь вытащить *голову*, он затолкнул ее еще глубже. Его бросило в жар. Жар был нестерпимым, и он, распрямившись, одним рывком сбросил с себя рубашку. *Головы* младенца по-прежнему не было видно. Крики *Устины* стали тише, но страшнее, потому что утратили силу не оттого, что ей стало легче...» (Водолазкин/Vodolazkin, 2012, p. 41).

This text is a layering of dictum (expressions) containing Ustina's pain, her difficult situation, into a vicious circle (ring) of gradational properties, a sequence of statements ordered by the author; the syntagmatic aspect of the structure of the whole reveals the succession and continuous direction of the continuum along the time axis, that is, from the absolute beginning to the absolute end of the text. The linear length of the chain of locution (sentences) is superimposed with intonation-communicative, pragmatic and emotive characteristics, which are consistent with the whole as its components. Moreover, Ustina's cries, or «an involuntary and strong expression of feelings» (Ожегов/Ozhegov, 1990, p. 307), are the personification of life, action (in the broadest sense) and at the same time an antonym to death, inaction and silence.

Then life again merges with death, as a result of which an immortal, new beginning is born: «Если ты действительно умерла, сказал Арсений Ус-

тине, – я должен сохранить твоё тело. Я ожидал, что оно тебе понадобится в ближайшей перспективе, но раз это не так, приложим все усилия, чтобы сохранить его для грядущего *всеобщего воскресения*» (Водолазкин/Vodolazkin, 2012, p. 46). «Не буду тебя жалеть: *ты виноват* в её смерти телесной. *Ты виноват* также в том, что может погибнуть её душа. Я должен был бы сказать, что за гробом спасти её *душу* уже поздно, но знаешь, – не скажу» (Водолазкин/ Vodolazkin, 2012, pp. 49–50) (implementation of a propositional tautology with elements of a verbatim repetition). «Глаголю вам: не рыдайте мене, яко днесь узрю лице Господа моего. Глаголю же и Ти, Господи: в руке Твои предаю *дух* мой, Ты же мя помилуй и *живот вечный* даруй ми. Аминь» (Водолазкин/ Vodolazkin, 2012, pp. 50–51) (usage of a semantic tautology).

Thus, life and death are one, they represent the cyclicity of the universe, which is very well described, verbalized by tautology. In addition, it is not random words that are duplicated, but lexical units that are «precedent» for a given text. Semantic redundancy fixes attention on the meaning of what is being read. Here the phenomenon of consciousness is noted, namely the dialogue of the consciousnesses of the author and the reader (artistic communication), which, in turn, forms a certain super-sense of discourse (Парахонько/Parakhonko, 2020, p. 270).

The factual material also demonstrates that tautology is predominantly a type of foregrounding in artistic discourse: «a specific organization of the context that analyzes the text as a multicomponent conglomerate of statements and emotiveness, as a complex concrete-figurative entity» (Арнольд/Arnold, 1999, p. 224). This circumstance also gives us the right to speak about the features of E. Vodolazkin's style: the weaving of words, which returns tautological formations to a multicomponent, complex embodiment, stylistic and pragmatic sign as the highest example of bookishness. Consequently, tautologies in artistic discourse are always implicit and carry a semantic load.

## References

Арнольд, И. В. (1999). *Семантика, стилистика, интертекстуальность*: Сб. ст. П. Е. Бухаркин (науч. ред.). Изд-во С.- Петерб. ун-та / Arnol'd, I. V. (1999). *Semantika, stilistika, intertekstual'nost'*: Sb. st. P. E. Buharkin (nauč. red.). Izd-vo S.- Peterb. un-ta.

Баранов, А. Н., Добровольский, Д. О. (1997). Постулаты когнитивной семантики. В: *Известия Российской Академии наук. Серия литературы и языка* (т. 56, № 1, с. 11–21). Изд-во «Наука» / Baranov, A. N., Dobrovol'skij, D. O. (1997). *Postulaty kognitivnoj semantiki*. In: *Izvestija Rossijskoj Akademii nauk. Serija literatury i jazyka* (t. 56, № 1, pp. 11–21). Izd-vo «Nauka».

Белунова, Н.И. (1988). *Интегрирующая функция лексико-синтаксических повторов в текстах публицистического стиля*. Высшая школа / Belunova, N.I. (1988). *Integrirujušaja funkcija leksiko-sintaksičeskih po-vtorov v tekstah publicističeskogo stilja*. Vysšaja škola.

Бразговская, Е. Е. (2019). *Семиотика. Языки и коды культуры*: учебник и практикум для академического бакалавриата. 2-е изд., испр. и доп. Издательство Юрайт / Brazgovskaja, E. E. (2019). *Semiotika. Jazyki i kody kul'tury*: učebnik i praktikum dlja akademičeskogo bakalavriata. 2-e izd., ispr. i dop. Izdatel'stvo Jurajt.

Бурцева, Т.А. (1997). *Лингвопоэтика Б.Л.Пастернака и её эволюция (на материале оригинальной поэзии)*: дисс. ... канд. филол. наук. КГУ / Burceva, T.A. (1997). *Lingvopoètika B.L.Pasternaka i eë èvoljucija (na materiale original'noj poèzii)*: diss. ... kand. filol. nauk. KGU.

Водолазкин, Е. Г. (2012). *Лавр*. Издательство «АСТ» / Vodolazkin, E. G. (2012). *Lavr*. Izdatel'stvo «AST».

Гавэр, Ш. (2020). *Точка зрения: Любовь любви рознь*. <https://www.opentv.tv/lyubov-lyubvi-rozn/> / Gavèr, Š. (2020). *Točka zrenija: Ljubov' ljubvi rozn'*.

Ожегов, С.И. (1990). *Словарь русского языка*. Н.Ю. Шведова (ред.). Изд-во «Русский язык» / Ožegov, S.I. (1990). *Slovar' russkogo jazyka*. N.Ju. Švedova (red.). Izd-vo «Russkij jazyk».

Парахонько, Л.В. (2020). Тавтология и плеоназм как концепты: структура и семантика. В: *Terra Rusistica: Сборник материалов Первого международного форума молодых русистов 17–19 декабря 2020 г.* Е. В. Ковальх, С. В. Лукьянова, Н. С. Молчанова (сост.), (с. 266–271). Псковский государственный университет / Parahon'ko, L.V. (2020). *Tavtologija i pleonazm kak koncepty: struktura i semantika*. In: *Terra Rusistica: Sbornik materialov Pervogo meždunarodnogo foruma molodyh rusistov 17–19 dekabrja 2020 g.* E. V. Kovalyh, S. V. Luk'janova, N. S. Molčanova (sost.), (s. 266–271). Pskovskij gosudarstvennyj universitet.